

В. И. Засулич

**Сборник статей В.И.
Засулич**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. И. Засулич**
Сборник статей В.И. Засулич: Том 2 / В. И. Засулич – М.: Книга по Требованию,
2017. – 451 с.

ISBN 978-5-458-09483-2

В книге собраны статьи Веры Ивановны Засулич — деятеля российского и международного социалистического движения, народницы, террористки, писательницы.

ISBN 978-5-458-09483-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Революціонеры изъ

буржуазной среды.

Революціонеры изъ буржуазной среды.

I.

Въ настоящей статьѣ мы хотимъ говорить, собственно, о русской революціонной интеллигенціи, которая за послѣдніе годы какъ будто остановилась на распутьи и раздумываетъ, куда пойти ей: свернуть-ли направо для соединенія съ высшими классами, пойти-ли налѣво и искать серьезнаго союза съ рабочими, или идти на проломъ, рассчитывая лишь на собственныя силы, т.-е. на „терроръ“.

Но прежде чѣмъ говорить о русскомъ движеніи, намъ кажется не бесполезнымъ припомнить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, полузабытую у насъ фізіономію западнаго революціонера изъ буржуазіи.

Намъ это кажется не бесполезнымъ, во-первыхъ потому, что у нашей революціонной интеллигенціи, твердо знающей, что на западѣ буржуазія была революціонна, боролась съ абсолютизмомъ и завоевала политическую свободу, имѣется повидимому, очень сбивчивое представленіе о томъ буржуа, который былъ революціонеромъ, боролся и завоевалъ... Онъ то рисуется ей чѣмъ-то аналогичнымъ, по образу мыслей, солидности и положенію русскому „либералу“, „отцу“, „земцу“, которымъ и выставлялся не разъ въ нашихъ подпольныхъ изданіяхъ, въ видѣ примѣра для подражанія; а то вдругъ окажется и еще солиднѣе: финансистомъ или крупнымъ предпринимателемъ.

Это смутное представленіе о западномъ борцѣ за политическую свободу не можетъ не вліять, въ свою очередь, и несомнѣнно вліяетъ самымъ путающимъ образомъ, на наши представленія о роли, какъ „общества“, такъ и самыхъ революціонеровъ въ русской борьбѣ за ту же свободу, на наши понятія о значеніи въ этой борьбѣ социализма и социалистовъ.

Съ другой стороны, революціонное движеніе въ средѣ образованной буржуазіи Франціи и Германіи въ первой половинѣ XIX вѣка имѣло, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, много общаго съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ.

Мы искали, конечно, другого содержанія для своего революціоннаго идеала, вмѣсто республиканскаго идеала, съ которымъ выступили наши западные предшественники. Но по своему общему характеру, по тѣмъ элементамъ образованныхъ классовъ, которые оно захватываетъ, по тѣмъ силамъ, которыя оно можетъ развить и по доступнымъ для него средствамъ, наше революціонное движеніе является несомнѣннымъ историческимъ ровесникомъ исчезнувшаго послѣ 1848 года революціоннаго движенія среди образованныхъ классовъ Европы. Поэтому-то намъ и не бесполезно припомнить: въ чемъ была сила этихъ образованныхъ революціонеровъ и что они сдѣлали? Это можетъ представить намъ нѣкоторыя данныя для опредѣленія своей собственной силы и значенія.

Какъ мы уже сказали, положеніе русскаго революціонера представляется намъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогичнымъ съ положеніемъ образованныхъ революціонеровъ Франціи и Германіи, дѣйствовавшихъ съ начала реставраціи и до 48 года.

Образованный революціонеръ-идеологъ конца XVIII вѣка былъ въ иномъ положеніи и опирался на такія силы, которыхъ нѣтъ у русскаго движенія, какъ не было и у нѣмецкаго. Но вся революціонность первой половины XIX вѣка такъ тѣсно связана съ великой революціей XVIII; всѣ постепенно видоизмѣнявшіяся программы и теоріи внуковъ до такой степени коренятся въ міровоззрѣніи ихъ знаменитыхъ дѣдовъ, что невозможно не начать съ нихъ.

Къ чему стремились идейные представители великой буржуазной революціи? Во всякомъ случаѣ не къ господству и благополучію современной буржуазіи. Прежде чѣмъ окончательно вымерло ихъ поколѣніе, его остаткамъ удалось познакомиться съ болѣе или менѣе опредѣлившимся уже типомъ новаго господствующаго класса и съ однимъ изъ лучшихъ образцовъ новаго строя, при конституціонной монархіи Луи-Филиппа. И старики отвернулись съ презрѣніемъ отъ своихъ довольныхъ сыновей, возненавидѣли новый строй

мѣшались въ заговоры и шли умирать на баррикады вмѣстѣ со студентами и рабочими.

Съ своей стороны благоразумный современный буржуа, хотя и доволенъ матеріальными результатами революціи, но за то очень недоволенъ ея нравственными послѣдствіями и въ досужія минуты охотно мечтаетъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бы стараго революціонера вовсе не бывало на свѣтѣ.

„Свободная Россія“¹⁾, приглашавшая нашихъ революціонеровъ повернуть направо, сообщаетъ намъ мимоходомъ свои наблюденія надъ запоздалыми на цѣлое столѣтіе для западной Европы, но назидательными, по ея мнѣнію, для Россіи утопіями, носящимися теперь передъ умственными очами „благоразумныхъ людей Франціи“.

„Во Франціи, — говоритъ эта газета, — „благоразумные люди разныхъ партій, — какъ между консервативными монархистами, такъ и среди радикальныхъ республиканцевъ, соглашались въ томъ, что неурядицы времени великой революціи и ихъ послѣдствія, чувствуемая и до сихъ поръ, могли бы быть предупреждены, если бы страна, попавши въ тиски абсолютной монархіи, сохранила хоть старыя провинціальныя земскіе чины (états), или если бы новыя провинціальныя собранія учреждены были по всей странѣ не въ 1787 году, а хоть 15—20 лѣтъ раньше и если бы затѣмъ и Земскій Соборъ 1789 года тоже былъ созданъ раньше и явился бы естественнымъ завершеніемъ провинціального самоуправленія“²⁾.

Какъ хорошо было бы въ самомъ дѣлѣ, если бы генеральные штаты собрались пораньше, пока не выросло еще революціонное поколѣніе, воспитавшееся на философскихъ теоріяхъ. Да если бы еще въ эти генеральные штаты попали все опытные дѣльцы старыхъ провинціальныхъ чиновъ, тогда ужъ навѣрное не было бы никакихъ потрясеній. Дѣльцы не заупрямились бы, засѣдали бы себѣ отдѣльно по сословіямъ, держали бы рѣчь королю на колѣняхъ, какъ требо-

¹⁾ Журналъ, издававшійся въ 1889 году въ Женевѣ подъ редакціей г.г. Бурцева и Дебагори-Мокріевича, и при дѣятельномъ участіи Драгоманова.

Примѣчаніе 1906 г.

²⁾ № 2 „Своб. Рос.“, ст. 3.

валось по программѣ 1614 года, которую отстаивали парламенты—эти остатки стараго самоуправленія. Они исполнили бы все, что отъ нихъ требовалось, но при этомъ, пожалуй, что-нибудь выторговали бы у правительства. Ихъ скоро созвали бы опять и они опять что-нибудь да выпросили бы. Дальше да больше, и понемногу всѣ благоразумныя, практичныя требованія буржуазіи были бы удовлетворены. Правда, на французскомъ престолѣ, быть можетъ, еще благополучно засѣдали бы Бурбоны, и навѣрное существовала бы сильная поземельная аристократія (потрясеній бы не было, а слѣдственно—ни эмиграціи, ни конфискаціи дворянскихъ имѣній). Это очень пріятно утописту изъ дворянъ и не такъ ужъ привлекательно для буржуа республиканца. Но какъ человѣкъ благоразумный, онъ видитъ, конечно, что и король, и дворянство—ничтожное зло по сравненію съ тѣми напастями, какія повела за собою революція. Не привыкли возставать и побѣждать бѣднѣйшая часть городского населенія, рабочій не повадился бы разсуждать, совать свой носъ въ общественныя дѣла, не зазнался бы, не счелъ бы себя, въ концѣ концовъ, особымъ классомъ, которому принадлежитъ будущее. Онъ и тогда, положимъ, просилъ бы прибавки, устраивалъ бы стачки, но какъ сравнительно легко было бы справляться со всѣмъ этимъ, хотя бы посредствомъ „соціальной политики“!

Но дѣло, къ счастью, уже непоправимо, и исторія шла не по рецептамъ благоразумныхъ людей. Голодныя, неблагооразумныя массы возстали и вооружились по всей Франціи, а во главѣ революціи очутились не практики и дѣльцы, а теоретики-идеологи, заразившіе своимъ энтузіазмомъ всю страну, а за ней и весь тогдашній образованный міръ. Эти люди видѣли въ устраненіи тѣхъ или иныхъ злоупотребленій, въ отмѣнѣ десятины, въ равномерной раскладкѣ налоговъ, въ уничтоженіи цеховъ и проч. не однѣ лишь непосредственныя практическія удобства и выгоды, получаемыя отъ этихъ мѣръ. Нѣтъ, за всѣмъ этимъ имъ видѣлось впереди всеобщее счастье, царство разума, свободы, равенства и братства всѣхъ людей. Поэтому-то они не остановились въ скромныхъ предѣлахъ, предписываемыхъ благоразумной практичностью, а шли все дальше и дальше, вливая въ движеніе ту гигантскую силу одушевленія, которой хватило

на то, чтобы перевернуть всю Европу и начать новую эру въ исторіи человѣчества.

Большинство этихъ людей принадлежало по рожденію и воспитанію къ буржуазіи; буржуазія имъ сочувствовала при началѣ движенія и она же воспользовалась матеріальными плодами ихъ борьбы; поэтому они остаются въ исторіи представителями буржуазной революціи. Но субъективно, въ своемъ сознаніи, они были представителями величайшихъ интересовъ всего человѣчества. И не такъ ужъ обмануло ихъ сознаніе.

Они видѣли предъ собою сложную, выросшую въ теченіе вѣковъ систему всевозможныхъ сословныхъ, мѣстныхъ частныхъ правъ и привилегій, стремившихся приковать каждого къ его наслѣдственному занятію.

Когда то, при неподвижности средневѣковой жизни, при устойчивости тогдашнихъ способовъ производства и ничтожности торговли, всѣ эти права, таможи и привилегіи обезпечивали и закрѣпляли за всякимъ сословіемъ, за всякимъ городомъ и всякой мѣстной группой гражданъ одинъ и тотъ же неизмѣнный источникъ дохода, отстраняя отъ этого источника всякаго человѣка другого класса другого наслѣдственнаго занятія, другого города. Тогда дорожили этими правами и видѣли лишь ихъ хорошую сторону.

Теперь, въ XVIII-омъ вѣкѣ, когда при измѣнившихся условіяхъ производства и торговли, права и привилегіи не столько обезпечивали старые источники дохода, сколько мѣшали пріобрѣтенію новыхъ, въ глаза кидалась лишь ихъ обратная сторона: несправедливость, нечѣпость, жестокость налагаемыхъ ими стѣсненій.

Естественна была та мысль, что стоитъ лишь отнять у людей всѣ ихъ особыя, несправедливыя права и привилегіи, создавшія вражду, бѣдность и неравенство и возвратить всѣмъ людямъ ихъ „естественное право“ жить и заниматься гдѣ хочешь, какъ хочешь и чѣмъ хочешь, стоитъ только уничтожить всѣ стѣсненія—и между равными отъ природы людьми, при ея неистощимыхъ богатствахъ, установится и довольство и братство.

Тоже и относительно религіи съ ея обязательной проповѣдью противуестественныхъ нечѣпостей. Стоитъ, казалось, отнять у духовенства привилегію навязывать всѣмъ

и каждому эти нелѣпости и между людьми распространятся „естественныя, разумныя“ воззрѣнія.

Старая, отставшая отъ жизни система стѣсненій и привилегій терзала въ концѣ XVIII-го вѣка все крестьянство, мѣшала всѣмъ слоямъ буржуазіи и довела до того, что почти каждый человѣкъ, погруженный въ свое частное дѣло, никогда не помышлявшій объ общихъ вопросахъ, былъ чѣмъ-нибудь да недоволенъ и желалъ тѣхъ или другихъ соответствующихъ его специальности перемѣнъ.

Начавшаяся при такихъ условіяхъ революція доставила широкій просторъ для дѣятельности смѣлыхъ послѣдователей философовъ восемнадцатаго вѣка.

Камня на камнѣ не осталось отъ старыхъ учрежденій. Тутъ-то, думали борцы, и наступитъ царство разума, равенства и свободы,—лишь бы справиться съ врагами внѣшними и внутренними.

Они ошибались. Не въ томъ, что вѣрили въ возможность свободы и равенства для всѣхъ людей, въ разумную будущность человѣчества, а въ томъ, что думали, будто сдѣланнаго ими уже достаточно для ея наступленія.

Эта ошибка была неизбежна. Они не жмурили глазъ, не бѣжали отъ знанія, они воспользовались всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, какой проливали тогдашнія отношенія. Но на той ступени экономическаго развитія, на которой находилась тогда Европа, самая напряженная мысль не могла еще предвидѣть, во что превратится экономическая, а вслѣдъ за нею и политическая жизнь при освобожденіи ея отъ средневѣковыхъ стѣсненій, мѣшавшихъ широкому развитію производства, но задерживавшихъ въ то же время и развитіе крайняго неравенства: разложеніе третьяго сословія на капиталистовъ и людей, лишенныхъ всякой собственности.

Начавшій складываться новый строй очень скоро оказался, по выраженію Энгельса ¹⁾, „самой злой, отрезвляющей каррикатурой на блестящія обѣщанія философовъ XVIII-го вѣка“.

Но какъ ни зло подшутили безсознательныя экономическія силы надъ сознательными стремленіями людей, устранившихъ съ ихъ пути всѣ препятствія, новое общество ка-

¹⁾ Развитіе научнаго социализма.

питалистовъ и пролетаріевъ являлось тѣмъ не менѣе безусловно необходимымъ промежуточнымъ звеномъ между старымъ царствомъ мелкой частной собственности и уничтоженіемъ всякой частной собственности посредствомъ организаціи всего производства по заранѣе обдуманному плану. Такое изгнаніе безсознательности изъ ея главнѣйшаго и послѣдняго убѣжища—изъ области экономическихъ отношеній—сдѣлаетъ, наконецъ, людей господами своей исторіи, воздастъ и свободу и равенство — все то, къ чему стремились вожди великой революціи. Въ этомъ смыслѣ они не ошибались, считая себя борцами за царство разума.

II.

Но это царство лежало еще далеко впереди, а тѣмъ временемъ на сцену выступили практическіе люди и принялись ножинать плоды. Когда почва была достаточно расчищена, и все старое внутри страны окончательно побѣждено, они устранили идеалистовъ и помогли утвердиться Наполеону. Измѣнили потомъ и ему. Любезничали съ союзниками, привезшими имъ въ багажѣ Бурбоновъ и выхлопотали у этихъ союзниковъ, въ награду за смиреніе, хартію. Эта хартія основывалась далеко не на одномъ разумѣ. Высокій цензъ сосредоточивалъ избирательное право въ рукахъ 100,000 богатѣйшихъ гражданъ. Политическія преступленія подлежали исключительнымъ судамъ. Свобода слова и собраній была стѣснена гораздо сильнѣе, чѣмъ при Людовикѣ XVI. Но если нравственныя „права чловѣка“ вообще и не были гарантированы, то права буржуа, какъ такового, всѣ матеріальныя результаты революціи: свобода промышленности, права покупателей конфискованныхъ имѣній, административное и судебное единство Франціи, болѣе или менѣе равномерное распредѣленіе налоговъ остались неприкосновенными.

Теперь, какъ у крестьянъ, такъ и у массы занятой своими частными дѣлами, не помышляющей объ общественныхъ вопросахъ промышленной буржуазіи, не было иныхъ причинъ для жалобъ и безпокойства, кромѣ нѣкотораго опасенія за цѣлость новыхъ порядковъ.

За то образованный слой буржуазіи, люди такъ или иначе соприкасавшіеся съ общественными дѣлами, идеями и теоріями, были недовольны и преобладающимъ вліяніемъ дворянства при дворѣ и въ палатѣ, и всѣми покаянiями и очищеніями отъ республиканскихъ грѣховъ, затѣянными духовенствомъ, и слишкомъ высокимъ избирательнымъ цензомъ, и стѣсненіями печати, и многимъ другимъ.

Не такъ ужъ недовольны были солидные люди изъ образованной буржуазіи, чтобы чѣмъ-нибудь рисковать ради своего недовольства, но совершенно достаточно для того, чтобы въ прессѣ, палатѣ и съ каѳедры упоминать какъ можно чаще слово „свобода“.

Большинству солидныхъ людей, при произнесеніи этого слова, рисовалась теперь уже не та идеальная, полная глубокаго смысла свобода, за которую боролись идейные люди предшествовавшей эпохи. Ихъ сравнительно довольные, практичные наслѣдники не заходили далеко въ своихъ пожеланіяхъ. Но для молодого учащагося поколѣнія это слово обладало еще магической силой, заставлявшей шибко биться сердца. Для нихъ свобода казалась тѣмъ же необъятнымъ счастьемъ, какъ и для людей великой революціи, оставалась той-же „Liberté chérie“, о которой пѣлось въ заученной съ дѣтства Марсельезѣ.

Съ первыхъ же лѣтъ реставраціи движеніе среди образованныхъ классовъ во Франціи принимаетъ характеръ почти непрерывной тайной агитаціи, вербующей свои силы главнымъ образомъ среди студенчества. Учащаяся молодежь массами вступаетъ въ тайныя общества, агитируетъ среди низшихъ классовъ городского населенія и строитъ заговоры съ цѣлью низверженія Бурбоновъ. Этой цѣли сочувствуетъ крайняя фракція либеральнаго общества и одно время, въ виду нѣкотораго успѣха карбонаризма среди военныхъ (народныхъ возстаній общество боится), начинаетъ даже шептаться съ вожаками заговорщиковъ. Но заговоры открываются, революціонеры идутъ на эшафоты, въ тюрьмы и въ эмиграцію. Легальное общество не дѣлаетъ ни шагу, чтобы защитить своихъ дѣтей, оно притихаетъ наоборотъ, тѣмъ болѣе, что одновременно съ усиленіемъ арестовъ въ средѣ революціонеровъ усиливаются обыкновенно стѣсненія либеральной прессы и всѣхъ прочихъ легальныхъ органовъ